

**ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК ВКП (Б)
ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП (Б)**

**АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ
УЛЬЯНОВ**

И

ДЕЛО 1 МАРТА 1887 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО / 1927

ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК ВКП (б)
ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и ВКП (б)

АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ
УЛЬЯНОВ

II

ДЕЛО 1 МАРТА 1887 г.

СБОРНИК

СОСТАВЛЕННЫЙ

А. И. УЛЬЯНОВОЙ-ЕЛИЗАРОВОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

Шлиссельбургская крепость (снимок, относящийся к 80-м годам).

М. В. НОВОРУССКИЙ.

АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ УЛЬЯНОВ

(к 35-летней годовщине его казни).¹

Сквозь дымку 35-летней давности светлый образ этого товарища по нашему процессу как живой встает передо мной.

Давно это было. И человеку в шестьдесят лет никак нельзя ручаться за то, что он ясно помнит все до малейшей подробности и что его воспоминания совершенно точно воспроизводят то отдаленное прошлое. А особенно теперь, когда все мысли наши неодолимо прикованы к бурному говору современности.

В ночь на 5 мая 1887 г., разбуженные каждый поодиночке в своих камерах Петропавловской крепости, мы с И. Д. Лукашевичем очутились вместе в каком-то просторном застенке. Чадила небольшая керосиновая лампа и с трудом разгоняла мрак нашего сводчатого помещения. Глазам смотреть было не на что. Зато уши чутко прислушивались, а настороженное внимание ожидало чего-нибудь решающего. За стеной слышался глухой лязг железа и невольно наводил на мысль о кандалах. После приговора к смертной казни и после помилования на «бессрочную каторгу» это было самое естественное последствие.

¹ Было напечатано в страничке, посвященной памяти Александра Ильича в «Правде», в № от 21 мая 1922 г. Перепечатываем как последние слова М. В. Новорусского, умершего в августе 1925 г., о товарище по процессу.

Е. А.

Вдруг мы слышим шаги нескольких проходящих мимо нашего помещения. Гулко и глухо отзываются они под сводами. И шаги одной пары ног ясно звенят кандалами. Провели закованного. За первым, после некоторого промежутка, провели второго, затем — третьего, четвертого и пятого. Их вели, вероятно, согласно тому — списку, как они стояли в приговоре. Первым был Шевырев, вторым Ульянов, третьим Осипанов, затем Андреюшкин и Генералов.

Это были последние звуки, которые слышали дружеские уши, от Александра Ильича Ульянова.

Часов через шесть после этого мы с Лукашевичем на маленьком пароходе причалили к пустынному берегу Шлиссельбургской крепости и здесь простояли «без употребления» около часу. В это время «разгружали» пароход с закованными товарищами и препровождали каждого поодиночке в казематы старой тюрьмы, куда, наконец, водворили и нас.

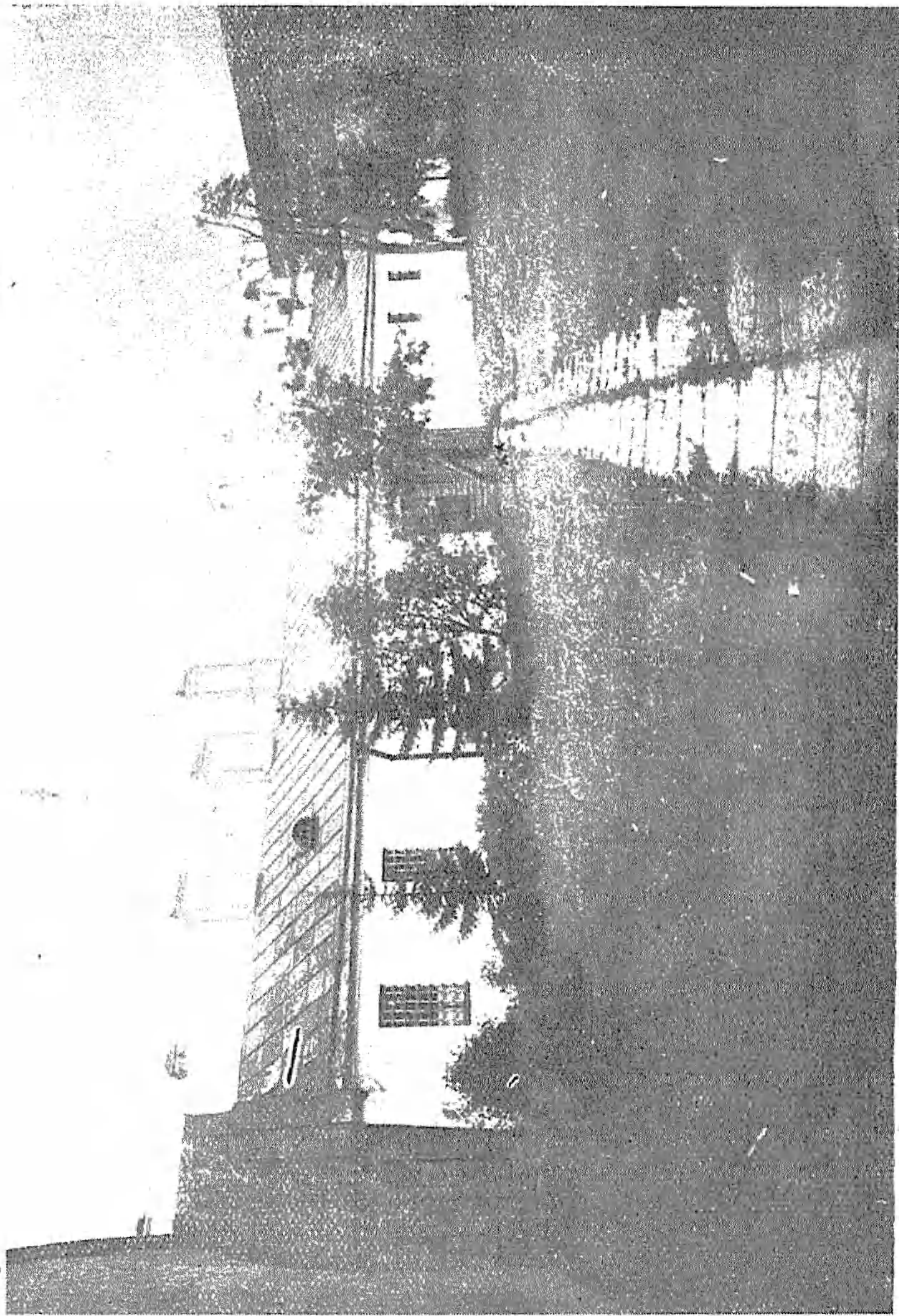
Глухое здание с массивными стенами было непроницаемо для обыкновенных звуков. Как мы ни напрягали слух, мы не могли уловить никаких звуков, по которым можно было убедиться, что мы здесь не одни. Тем более, что нас предусмотрительно водворили в самый конец коридора длинного здания.

Три дня ушли на подготовку эшафота, который был сооружен за пределами тюремного двора и перенесен сюда в разобранном виде. Здесь, во дворе, у входа в это старое здание, его установили без рубки и без стука, а в ночь на 8 мая, когда мы спали, вывели пятерых наших товарищей, с Ульяновым во главе, и так же беззвучно лишили жизни.

На другой день нас проводили этим пустынным двором на прогулку: нигде не было никаких следов только-что совершенного здесь злодеяния. И о самом факте мы узнали от очевидцев-жандармов уже много лет спустя. А теперь мне каждый год приходится останавливаться на этом лобном месте с экскурсиями и рассказывать эту давнюю быль живою речью.

Во время казни присутствовал в качестве добровольца тогдашний товарищ прокурора, а впоследствии министр юстиции Щегловитов, который своей особой и своими деяниями палача-добровольца при царе Николае II перекинул живой мост между трагической смертью Александра Ильича и событиями наших дней.

Александра Ильича не стало. Родные и друзья горевали и плакали. Но в этом случае, как и во многих других, мертвые

Здание старой тюрьмы в Шлиссельбурге, где осужденные по делу 1 марта сидели с 5—8 мая.

Направо стена, подле которой они были казнены.

продолжают действовать, и на их могиле вырастает и созревает то семя, которое они сеяли, но вырастить не успели.

Место погребения А. И. Ульянова я узнал только в 1906 г. после освобождения из Шлиссельбурга. Это была братская могила всех замученных в Шлиссельбурге. На этом месте в 1919 г. я соорудил на средства Петроградского Исполкома гранитный памятник с именами всех, кто сложил здесь свои головы в промежутки между 1884 и 1905 гг. — годы предрассветных теней, когда революция вспыхивала как отдаленная беззвучная зарница, предвещавшая настоящую, оглушительную грозу.

Наше дело, дело А. И. Ульянова, было одной из таких зарниц. Оно было почти мгновенной вспышкой, хотя в этой вспышке сгорело сразу несколько человеческих жизней. Он был еще студентом, и ему едва минул 21 год. Он был студентом и, значит, не был революционером в том смысле, что революция для него является профессией. И он был усердным студентом, который не только переходил с курса на курс с отличием, но и действительно занимался с увлечением естественными науками в такой же степени, как социальными и политико-экономическими вопросами. Для характеристики его можно указать, что, уже во время подготовки покушения, влекущего за собою почти неизбежно смертную казнь, он находил время для препарирования морских тараканов, которых выписывал для своих лабораторных занятий.

Это было уже не то время, что в семидесятые годы. Как известно, тогда революционеры отрицательно относились к науке, бросали университеты, шли «в народ», принимались сами за фабричный либо крестьянский труд и считали, что таким образом они будут для народа гораздо полезнее. В восьмидесятые годы, наоборот, считали, что на арену политической борьбы нужно выходить во всеоружии тех знаний, к которым человек чувствовал влечение.

Почти все мы, участники дела второго 1 марта, были студентами. Студенческие интересы преобладали в нашей жизни. Мы вели жизнь чисто студенческую. И эта жизнь сближала нас всех в таком же роде, как фабрика и фабричная жизнь сближает рабочих. И я помню, как дико прозвучал для меня на допросе вопрос прокурора, где я познакомился с Ульяновым. Да мало ли где? В читальне, на студенческой вечеринке, просто в университете.

Это для первоначального ознакомления. Для сближения же служило непосредственное юношеское чутье или простое влечение, которое одних людей привлекает друг к другу, а других отталкивает.

Я и теперь не мог бы сказать, где я впервые встретился с А. И. Ульяновым. Он был в университете и увлекался естествознанием. Я был в духовной академии и имел влечение к энциклопедизму. Я жадно стремился к тем знаниям, которые в моей академии считались либо ненужными, либо запретными. Это стремление привело меня к посещению собраний «научно-литературного общества» при университете. Но с Ульяновым я встретился все-таки не здесь, а на собрании делегатов от студенческих «землячеств». В то время они были под запретом, но все-таки сделали попытку организовать «Союз землячеств». Два или три таких собрания состоялись на квартире самого Ульянова. На котором из них я встретился с Ульяновым, — не знаю. Но я помню то впечатление, которое он произвел на меня впервые.

Я встречался, конечно, с разными студентами. И на этих собраниях лица менялись, а краткие встречи с ними, за редкими исключениями, не оставляли никакого следа. А. И. Ульянов был этим редким исключением. При своей явной молодости он определенно выделялся среди других своим развитием. Я сужу не только по сравнению с самим собой, который был старше его на четыре года, но и по сравнению с другими, которые появлялись на собраниях. Отпечаток его карточки, снятой жандармами уже во время ареста, дает очень плохое представление об его личности. Здесь он выглядит серым и даже мрачным, вообще «худым», чего совершенно не было в действительности. Напротив, его ясное и открытое лицо всегда как-то особенно светилось не только обыкновенной юношеской привлекательностью, но и особой осмысленностью выражения. Это было одно из тех лиц, о которых мы говорим, что они озаренные.

На собраниях, где мы встречались, может быть, он не говорил ничего особенного. По крайней мере, мне не запало в память ни одного его даже краткого выступления. Но важно было не то, что он говорил, а как он говорил. Его голос, интонация, тон убежденности, — все говорило за то, что у него это не простая фраза, а что он над этим думал и успел многое пере-думать.

Свою биографию или, точнее, рост своей личности он изложил на суде. И он излагал это тем же тоном спокойной убедительности и скромности, какой мы слышали и на своих маленьких собраниях.

Если биографии подобных лиц нам нужны для воспитания молодого поколения, то надо сильно пожалеть, что речь эта передана лишь в сокращении. А теперь я не мог бы и в слабой степени передать ее так, чтобы она оставила в читателе впечатление, подобное тому, какое получили мы, слушавшие его.

...— «Социальными вопросами он начал заниматься с тех пор, как стал сознательно относиться к окружающему. Над страданиями народа он стал задумываться чуть не с детства. Приходя в возраст, он выработал соответственно этому свои убеждения. Эти убеждения, как честный человек, он обязан проводить в жизнь. Это — его нравственный долг. Но выполнению этого долга препятствует правительство.

«В других странах на правительство можно воздействовать путем агитации, печати, парламентских собраний и т. п. У нас это запрещено. Отняты все пути к нормальному проведению в жизнь самых заветных своих убеждений. И человека толкают на единственный путь, каким можно добиться изменения и улучшения правительственной системы управления страной. Это — путь террора. Путь этот уже предугазан историей. Не мы первые начали. Террор есть единственный способ политической борьбы в России. И он будет продолжаться до тех пор, пока...» —

Здесь председатель суда прервал Ульянова. Его пророческие слова, произносимые тоном глубокого убеждения вдохновенного юноши, были неприятны старому сенатору, посевшему в защите старых порядков самодержавного режима.

Ошибся немного и сам А. И. Ульянов. Одиночные попытки вооруженных выступлений против главы правительства были отмечены историей. У народа, скованного по рукам и по ногам на путях к лучшему будущему, нашлись другие, более могучие средства борьбы. На сцену выступили рабочие массы, которых быстро разбудили отдельные раскаты грома, предвещавшие настоящую грозу.

Мы пересказали вкратце речь Александра Ильича на суде. Но прежде, чем дойти до суда, ему, самоотверженному защитнику террора, пришлось пережить немало тяжелых минут раздумья и колебаний. Итти самому на этот путь не значит итти к победе. Победой.

если она будет, воспользуются другие. Участника же, который становится на этот крестный путь, скорее всего ожидает смерть. А идти на смерть сознательно в 21 год, на заре жизни, когда человек полон самых возвышенных стремлений и рвется к делу, борьбе, жизни, а не к смерти, — на это нужна необычайная решимость. На это нужна сильная воля, которая должна преодолеть не только все соблазны, открывающиеся воображению в личной жизни, но и самую жажду жизни, вложенную природой в молодой организм.

Мне пришлось быть минутным свидетелем роковой борьбы в душе Александра Ильича каких-то сомнений и колебаний. Не помню, для какой именно справки я зашел к нему в квартиру неожиданно и в рассеянности вошел в его комнату, не постучавши. Надвигались сумерки, но было еще совсем светло. Он сидел у окна за столом, подперши голову, в глубокой задумчивости. Лицо его, обыкновенно спокойное и приветливое, было необычайно тревожно и грустно. Он медленно поднял голову, услышавши мои шаги, и было видно, что я оторвал его как бы от тягостного сна, от которого он с трудом очнулся и еще не может войти в обычные условия встречи товарища. Я чутьем понял, что он только-что решал для себя тяжелые вопросы, — может быть, вопрос жизни и смерти, — и невольный вопрос: «что с ним?» у меня замер на устах.

Не принимая непосредственного участия в деле, я считал недопустимым проявлять свое любопытство там, где дело, по самому существу своему, должно быть законспирировано. Не говорил поэтому я и с ним. Тем более, что самое соглашение наше о том, что я предоставляю квартиру и что в ней Ульянов готовится недостающие три фунта динамита, велось не с ним непосредственно, а с Шевыревым. Затем, самую работу он производил в этой квартире, когда меня там не было.

Но, тем не менее, он оставил в этой квартире не только все лабораторные принадлежности для продолжения работы, но и остаток нитроглицерина, около 1 ф. Очевидно, он считал мою квартиру достаточно конспиративной, а свою работу — далеко не законченной. Была ли у него мысль о том, что он будет продолжать изготавливать динамит в случае неудачи покушения, или он собирался кому-нибудь поручить это продолжение на случай своего ареста, — я этого не знаю. Передаю это как факт, который подтверждает то, что он говорил на суде: «террор будет продол-

жаться и впредь». По крайней мере, у него было твердое намерение продолжать.

На суде я уже видел его совершенно спокойным, как бывало на студенческих собраниях. Решение, последнее и бесповоротное, было принято.

Ясным подтверждением этого, а равно характеристикой личности Александра Ильича служат его слова, которые ему удалось шепнуть Лукашевичу на суде:

«Если вам будет нужно, говорите на меня».

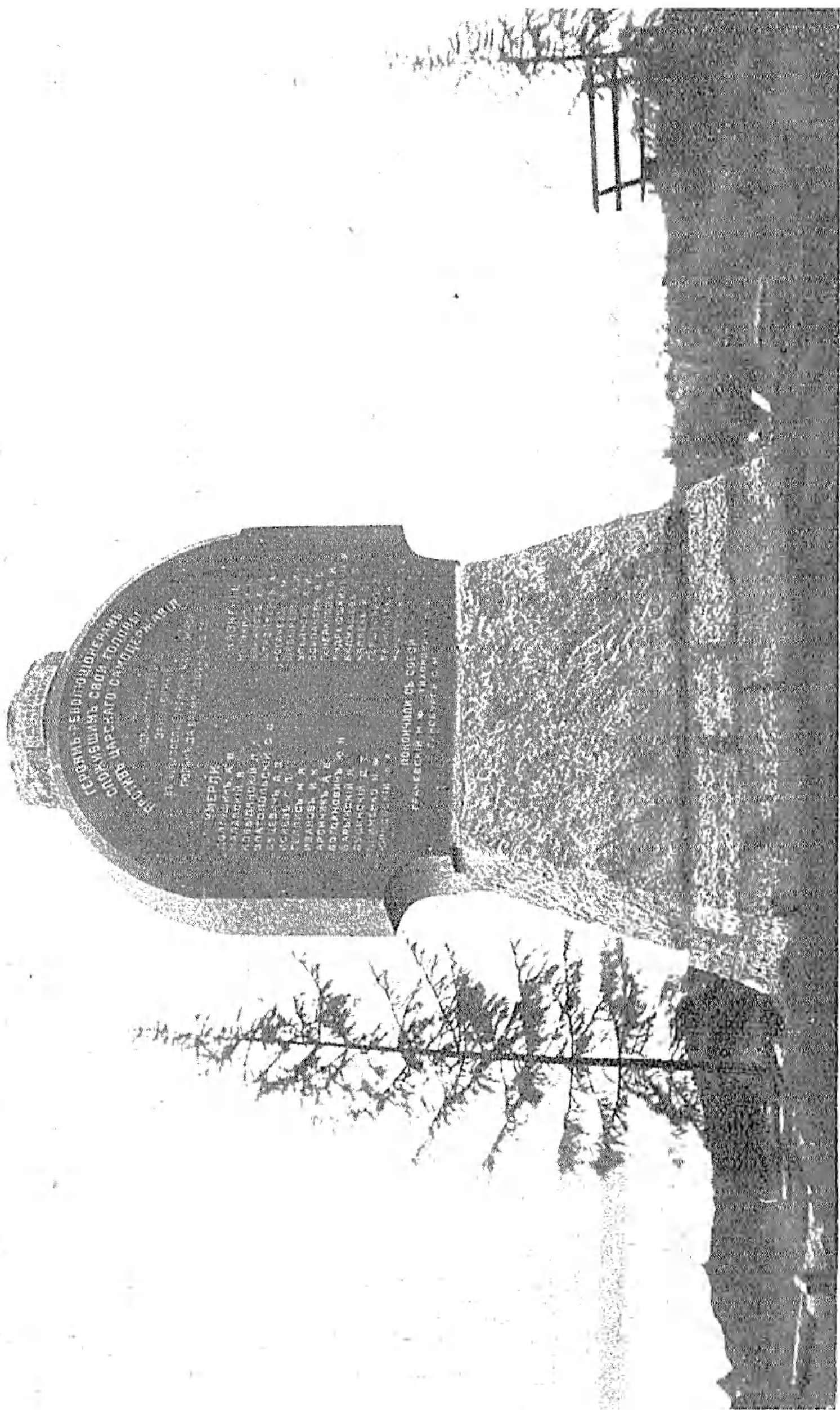
Это желание принять на себя вину другого сквозило так явно во всех его показаниях до суда и на суде, что даже прокурор стал недоверчиво относиться к ним. И в своей обвинительной речи, разграничивая то, что совершил каждый подсудимый, он определенно подчеркнул:

— Ульянов приписывает себе много такого, чего он в действительности не совершал. В тоне, каким это было сказано, не чувствовалось ни малейшего упрека в том, что Александр Ильич возвеличивает себя, старается казаться больше того, что он есть, или заботится о том, чтобы он другим казался выше и значительнее, чем он был на самом деле. Ему была совершенно чужда какая бы то ни было рисовка, похвальба и т. д. Эти слабости встречались, и до сих пор встречаются, у многих, начинающих играть историческую роль. Но у Александра Ильича ее не было. Это была редкая натура, от которой даже на людей других убеждений веяло чистотой, благородством и моральностью его побуждений. Тем более это чувствовалось товарищами, особенно теми, которые становились к нему ближе. Как уже сказано выше, он и террор обосновывал не только политическими, историческими или социальными доводами, но и этическими: на мне лежит нравственная обязанность проводить в жизнь свои убеждения, а мне в этом мешают. Не должен ли я устранить того, кто мешает и кто обставил себя абсолютной неприступностью?

Высказываясь так от своего лица и мотивируя так свое участие в заговоре на жизнь Александра III,—заговоре, которого он не был, по его собственному заявлению на суде, «ни инициатором, ни организатором»,—Александр Ильич в то же время отражал и общее настроение студенческой молодежи, и настроение многих товарищей по процессу. Героические годы народовольчества были уже позади. Наступили реакция и разочарование.

которые вели к самоуглублению. От увлечений политикой и экономикой молодежь переходила к увлечению этикой. Вопросы морали были в большом ходу и страстно дебатировались в студенческих кружках. Но для людей типа Александра Ильича они вели неизбежно к тому же террору.

Таково было это время, отстоящее от нас на 35 лет. И таков был его выразитель, Александр Ильич Ульянов. Он сгорел, не успевши вырасти. Его вырвали из жизни, не дав сложиться окончательно этой даровитой личности с благороднейшим нравственным обликом. Он мелькнул, как метеор, на историческом небосклоне еще за 18 лет до первого просвета в нашей общественной жизни, — до первой российской революции 1905 года, и за 30 лет до нашей пролетарской революции. Тем больше обязанности на нас, случайно переживших его товарищах, упомянуть его добрым словом в день этой насильственной смерти. Пусть не заглохнет память об этом редком, исключительном юноше. Пусть образ его воскреснет перед его современниками. Пусть хотя бы в слабом отображении встанет перед молодежью.

ПАМЯТНИК ПОГИБШИМ В ШИССЕЛЬБУРГЕ, ВОЗДВИГНУТЫЙ ТРУДАМИ ШИССЕЛЬБУРЖЦА
М. В. Новорусского.